

Ещё до ужина на пороге объявились потерпевшие. К дому старосты они подойти побоялись, а вот у ворот дома Чжэн устроили настоящий скандал. Каких только гадостей они не наговорили! В ход шло всё: от «выродков» до «щенков». Дедушка стоял во дворе, понутив голову, и без конца кланялся, вымаливая прощение.

Чжэн Далян аж покраснела от ярости! Да, Саньчжу перегнул палку с мстью, это факт. Но разве не из-за того, что их родители вечно потакали своим детям, позволяя издеваться над другими, всё это и произошло? Она уже собралась выйти на улицу, чтобы призвать этих наглецов к ответу, но Чжэн Эрнян намертво вцепилась ей в рукав.

Когда скандалисты ушли, дедушка затащил Саньчжу в свою лачугу, запер дверь и отходил его банным веником так, что только треск стоял. Снаружи Чжэн Далян слышала, как мальчик пытался оправдываться, а дед отчитывал его: — Совсем совесть потерял в таком возрасте! — Зазнался! — ...Это всё из-за тебя он таким стал!

Далян не могла ворваться и помешать дедушке воспитывать внука, поэтому, вздохнув, она отдала сестре пойманных речных креветок — пусть приготовит что-нибудь вкусное, чтобы хоть немного смягчить гнев старика и успокоить мальчишку. Она даже наказала отнести часть угощения соседям, в семью Ши: маленькому Ши Ма сейчас наверняка тоже несладко. Сама же Далян отправилась в пещеру, принесла оттуда шестьдесят цзиней дров и сложила их в сарайчик.

За ужином дедушка то и дело вздыхал, у Саньчжу покраснел нос от бесконечных всхлипываний, а Далян и Эрнян молчали, боясь проронить хоть слово. Даже маленькая Чжэн Сынян, обычно бойкая, как дикая кошка, тихонько ела свою жидкую кашу. Вся семья закончила ужин в гнетущей тишине.

После еды дедушка ушел отдыхать, Сынян принялась помогать Эрнян убирать посуду, и Чжэн Далян, воспользовавшись тем, что Ши Цяо ещё не пришел, позвала Саньчжу в свою комнату.

Саньчжу не то чтобы сильно боялся деда, но вот старшего брата, который внезапно изменился, он опасался. Войдя в комнату, мальчик тревожно теребил край рубахи, не смея поднять глаз. Ему уже досталось сегодня, и второй порции порки он совсем не хотел.

— Понимаешь, в чем был неправ? — спросила Далян, сидя на кровати и глядя на брата.

— Не надо было сдачу давать, — буркнул Саньчжу себе под нос.

Далян прищурилась и отрезала: — Ты сам-то в это веришь? Врать научился?

Саньчжу надул губы и, упрямо выпятив подбородок, промолчал.

Далян потерла виски: — Я тебя спрашиваю — отвечай честно! Не приучайся к кривым

дорожкам. Понял?

Саньчжу опустил голову и послушно кивнул.

— Ты сегодня чуть не убил того мальчишку. Насколько же он плох, что тебе пришлось идти на крайние меры? Ты вообще понимаешь, что значит смерть?

Саньчжу, конечно, понимал. Отец и второй дядя погибли... Не зря же те противные мальчишки вечно дразнили его и Сынян, мол, родили вас, а воспитывать не стали.

— Я ненавижу его... Просто хотел ударить, чтобы он больше не смел обижать нас троих...

— По законам Чжунцзина за убийство полагается смерть! Тебя бы схватили и отрубили голову!

Саньчжу был ещё ребенком и знал лишь одно: голову отрубают только плохим людям. Он видел казнь в раннем детстве, когда власти расправлялись с разбойниками, напавшими на их деревню. Тогда смотреть ходило всё село.

То зрелище оставило в его душе глубокий след. Иногда ему снились кошмары: огромный детина в красном, с повязанной на голове красной лентой и обнаженным плечом, заносит тяжелый тесак, и тот с хрустом опускается на шею преступника. Кровь брызжет во все стороны, а голова катится по ступеням, и её мертвенно-бледное лицо словно насмехается над ним...

Саньчжу перепугался до смерти, глаза его покраснели, и он в ужасе затряс головой: — Я не хотел его убивать! Правда! Не надо отдавать меня на казнь!

Далян сказала это не для того, чтобы напугать его, но, видя реакцию, вздохнула: — Теперь страшно? Твое желание защитить нас — это правильно. Перед лицом зла нельзя быть трусом. Только если дашь отпор, негодяи поймут, что ты не из робкого десятка, и перестанут лезть.

Далян неожиданно похвалила его, и Саньчжу, обрадованный и сбитый с толку одновременно, неуверенно пробормотал: — Но дедушка говорит, что если мы будем просто тихо работать на земле, власти нас защитят, а если лезть на рожон — быть беде... В этот раз так и вышло... Я не хочу умирать.

Далян тяжело вздохнула. Говорят, дети бедняков рано взрослеют — суровая жизнь заставляет их быстро расти. Саньчжу и Сынян были очень умными и рассудительными, их смывленность даже превосходила ожидания Далян.

Прожив в этой семье год, она поняла, какими редкими качествами обладают эти люди: добротой, оптимизмом, мужеством. Если правильно воспитать Саньчжу и Сынян, из них вырастут достойные люди, поэтому нельзя позволить им сбиться с пути.

Она поманила мальчика к себе и погладила его по голове: — Дедушка так говорит, потому что у него свои причины. Бабушка, отец, мать, второй дядя... Он уже стар и потерял слишком многих близких. Он боится потерять ещё и тебя. Ты для него — всё, поэтому он хочет, чтобы ты прожил жизнь в безопасности, пусть даже в тени и смирении.

— Но разве отец и второй дядя не были тихими и мирными? Когда разбойники напали, где были чиновники? Даже когда бандитов поймали, что изменилось? Отец и дядя всё равно погибли. Вера в то, что кто-то придет и спасет тебя в трудную минуту — это лишь красивая мечта. Нельзя возлагать ответственность за свою жизнь на других. В конечном счете, полагаться можно только на себя!

— Ты молодец, что хочешь защитить близких и пытаешься что-то придумать. Но способ ты выбрал неверный! Если бы ты действительно покалечил того парня, пострадал бы не только ты, но и маленький Ши Ма, которого тоже могли бы казнить.

— К тому же, хоть тот мальчишка и задира, он всё же твой товарищ по играм. Достойно ли это мужчины — нападать исподтишка? Даже если бы это был настоящий враг, разве ты был бы горд такой победой? Разве люди стали бы тебя уважать? Неужели ты хочешь всю жизнь побеждать лишь подлыми ударами в спину? Тебе самому не противно?

— Но... их было много, я бы не справился... — обиженно пробормотал Саньчжу.

— А ты не задумывался, почему, когда вы с Ши Ма разбегались, они гнались только за тобой, а его не трогали? — Далян продолжала мягко наставлять его.

Саньчжу был ещё мал и в пылу драки не обращал внимания на такие детали. Подумав, он понял, что в этом действительно было что-то странное, но сам догадаться не мог, поэтому лишь растерянно покачал головой.

Далян легонько щелкнула его по лбу: — Не потому, что твои уловки работали! Ши Ма от природы силен, они знают, что не одолеют его, вот и бьют тебя! К тому же, он внук старосты...

— Когда отец и дядя были живы, кто смел их обижать? А сейчас кто посмеет тронуть меня или брата Ши Цяо? Понимаешь, о чем я?

Далян не хвасталась. Несмотря на её хрупкий вид, в деревне её считали человеком серьезным. Это тело, хоть и выглядело изнеженным, было в великолепной форме! Местные парни её возраста едва могли поднять пятьдесят цзиней дров, а она носила по шестьдесят за раз, да ещё и с поразительной ловкостью. Видимо, прежняя владелица тела была мастером боевых искусств.

Слова Далян дошли до Саньчжу, и он понуро ответил: — У меня нет сил, меня легко обидеть...

— Вот именно! — Далян хлопнула себя по колену. — Защитить себя и других — это не просто слова. Нужно иметь силу! Чем больше людей ты хочешь защитить, тем сильнее должен стать. Конечно, одной силы мало — без чести ты станешь просто разбойником. Нужно быть как отец, дядя или брат Ши Цяо — открытым и честным героем, тогда тебя будут уважать и почитать!

Саньчжу внезапно прозрел. Вот оно что! Когда по деревне проходил великий полководец на огромном коне, все радовались, как на праздник! Полководец был таким статным и сильным, он в два счета расправился с разбойниками. Саньчжу всегда им восхищался!

— Старший брат... я хочу научиться быть сильным! — в глазах маленького Саньчжу загорелся огонек, и он с надеждой уставился на Далян.

Но Далян осеклась. Во всей деревне, пожалуй, только она да дед Ши умели читать. В округе не было даже крошечной частной школы — где же Саньчжу учиться мастерству?

Она почесала затылок, колеблясь...

<http://bllate.org/book/19131/1878909>